Белгородская правда
г. Белгород

ЖИВОЙ СВЕТ

К 60-летию со дня рождения Г. В. Свиридова

«В сто сорок солнц закат пылал,
В июль катилось лето...»

СТИХИ эти, известные каждому, прекрасны и выразительны сами по себе. Но когда слышишь их в ритмически размашистом хоровом унисоне в начале финала «Патетической оратории» Георгия Свиридова, они естественно сплавляются с музыкой. Как будто и родились одновременно. Вместе с серебристо-гулкими аккордами-шагами восходящего к людям Солнца.

Композиторы и раньше пытались облечь «немелодичного» Маяковского в музыкальную форму. Никому это не удалось так, как Свиридову. Тут необходимо особое проникновение в самую суть поэтического слова, стиля, характера. Необходимо совпадение идейных и нравственных позиций. «За что я люблю Маяковского? — пишет Свиридов. — За его глубокую честность, за возвышенность его мыслей и чувств, за его ненависть к мещанству во всех видах, за его бескорыстную любовь к Отчизне. И, конечно же, прежде всего за его замечательный, неповторимый поэтический талант».

Выдающийся успех «Патетической» общеизвестен. Одной такой удачи хватило бы, наверное, на большую творческую биографию.

«Патетическая оратория»... Сегодня и у нее юбилей. Пятнадцать лет назад ее творцу была присуждена высшая награда — Ленинская премия. Никогда еще героико-революционная тема не раскрывалась музыкально-поэтическими средствами в таком эмоциональном диапазоне — от задушевнейшей лирики до гротеска, от интонаций массовых песен до эпических обобщений. Никогда еще в относительно небольшом произведении «сопротивление материала», сложного и многопланового, не преодолевалось с таким конструктивным изяществом.

Оратория стремительно облетела полсвета. Побывала и в нашем Белгороде. Те мартовские дни 1968-го, дни фестиваля свиридовской музыки, вошли в память праздником. Впервые у нас играл тогда симфонический оркестр под управлением Кирилла Кондрашина. Мы услышали Русскую академическую хоровую капеллу, замечательного певца Александра Ведерникова. И хотя исполнялись произведения известные, завоевавшие слушателя (в том числе «Маленький триптих», отмеченные Государственной премией «Курские песни»), сидевший в зале облдрамтеатра их автор переживал, по его признанию, как на премьере. Это был его творческий отчет перед людьми края, очень близкого его курской родине (Свиридов родился в Фатеже). Судьбы двух областей породнены историей, народными песнями и обрядами, Огненной дугой. Неслучайно именно Свиридов через несколько лет написал музыку для Мемориала, посвященного героям великой битвы.

Те памятные концерты были и его депутатским отчетом. Дважды, в 1967 и 1971 годах, он избирался белгородцами депутатом Верховного Совета РСФСР. Он немало успел сделать для нашей области как депутат — в частности, для развития народного образования, культуры.

В самом деле, успел, смог — если учесть интенсивность его композиторской работы. Как и для Маяковского, регулярно заступавшего, независимо от вдохновения, на свои трудные «поэтические смены», каждый день для него — рабочий.

И вместе с тем композитор, громадно талантливый, вооруженный зрелым мастерством, никогда не спешит «на свидание» с концертным залом. «Я даю сочинению «отлежаться», — рассказывает в одной из своих статей Свиридов. — Рассматриваю его со всех сторон и безжалостно отсекаю все, что кажется мне лишним... Не нужно бояться еще и еще раз переделывать сочинение. Не бояться работы!..».

В этих словах — твердая жизненная программа. Свиридов — из тех мастеров, у кого не лишне поучиться требовательности к себе, неутомимости в борьбе за качество художественной продукции. В неменьшей степени — и пониманию общественного долга. Неоднократно избиравшийся депутатом Верховного Совета республики, композитор, кроме того, с 1962 года был секретарем Союза композиторов СССР. Шестью годами позже возглавил композиторскую организацию Российской Федерации. Председатель и член жюри международного и всесоюзного музыкальных конкурсов. Музыкальный критик, публицист... Да, кавалер двух орденов Ленина, народный артист СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Георгий Свиридов не боится работы.

Свиридовская муза — наша современница, и у нее сложный, новаторский характер. Но откуда все-таки в музыке Свиридова столько мелодичности, столько весенней свежести и проникновенного тепла? Объяснение чуда — единственное: народность. В этом смысле все лучшее в русской и зарубежной классике, возникшее на прочной народной основе, — «генеалогическое древо» Свиридова. Под такую народность, говорил Стасов, невозможно подделаться холодным бряцанием на «народных струнах». Надо родиться и возмужать с народом, слиться с ним душою, передумать его историю, перечувствовать все истинно самобытное и революционное в его культуре, чтобы стать народным художником. В тех же «Курских песнях», созданных на подлинной народно-песенной основе, новаторство композитора проявилось с особой силой. Но первичный интонационный материал обработан и **разработан** с такой чуткостью, с таким душевным тактом и мастерством, что мы ни минуты не сомневаемся: звучит творение действительно народное...

Творческий путь Свиридова был нелегким. Но с самого начала он отмечен завидной целеустремленностью. Родился композитор в трудовой интеллигентной семье. Детство его совпало с революцией. Ребенком, в 1919 году, лишился отца — выходца из крестьян, большевика, убитого деникинцами. Жизнь началась испытаниями... Главной радостью в ней было раннее знакомство с Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым. И, конечно, музыка.

С середины тридцатых годов, когда Георгий Свиридов поступил в Ленинградскую консерваторию, обрел своих учителей — Д. Д. Шостаковича, а затем И. И. Соллертинского, — начала ясно определяться основная линия его творчества: союз поэзии и музыки. Именно союз — крепкий, нерасторжимый, а не более или менее оправданное «сосуществование». Пробуя силы в разных жанрах, молодой композитор создает множество романсов и песен на слова Лермонтова, Беранже, Блока, А. Прокофьева. Но первая большая удача (и это знаменательно!) связана с именем Пушкина. В цикле пушкинских романсов есть уже настоящие жемчужины: «Роняет лес...», «Предчувствие», «Подъезжая под Ижоры»...

Впоследствии Шостакович так вспоминал о своем ученике: «Он... не терпит никакого, я бы сказал, безыдейного звукоискательства, хотя никогда не устает постоянно пробовать новые формы, творить новый музыкальный язык для выражения своих мыслей.

Это сочетается у него с овладением большой настоящей культурой. Он отлично знает поэзию, литературу — русскую, английскую, немецкую, изучал историю, живопись».

Уже в те годы ученичества великий учитель предсказал ученику славную будущность. Предсказанное сбылось.

Союз поэзии и музыки... К уже упоминавшимся поэтам из «свиридовской шеренги» (к их творчеству композитор возвращается неоднократно) прибавим Шекспира и Бернса, Есенина и Тютчева, Исаакяна и Некрасова, Твардовского и Пастернака. Разумеется, названы далеко не все. Но главное, повторяю, в том, что Свиридов не просто сочиняет музыку на слова: он до конца выявляет поэтичность музыки и музыкальность поэзии. Для каждого поэта находит особый безошибочный музыкальный язык. И тем самым удивительно расширяет и обогащает наши представления о поэтах, их творчестве. Происходит то, о чем писал Н. Заболоцкий:

«Откройся, мысль!
Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца,
чтоб мир
торжествовал!».

В этом смысле очень показательна есенинская тема, выраженная в песнях и кантатах Свиридова на стихи поэта и прежде всего — в «Поэме памяти Сергея Есенина» (1955—1956). Надо сказать, внешне как будто бы очень «песенному» Есенину до Свиридова «везло» в музыке не больше, чем Маяковскому. И сейчас еще бытующие образчики надрывно-гитарного «интима», по сути дела, уводят от Есенина, а не приближают к нему. В «Поэме» Свиридова Есенин предстает перед нами как народный поэт-гражданин. Без экзотической фальши. Во всей трагической цельности его судьбы. И музыка утверждает здесь главное, определяющее в характере поэта, мучительно стремившегося к слиянию с новой жизнью. Он — с нами, с будущим — навсегда. Страдальческим и ликующим криком звучит в хоровом финале: «Мать моя — Родина, я — большевик!».

Тема Родины занимает особое и постоянное место в творчестве Свиридова. Поэтому так впечатляют значительностью содержания «Поэма», «Патетическая оратория», другие музыкально-поэтические циклы композитора, где непосредственность авторского высказывания «о времени и о себе» органично вплетена в систему образов эпических, монументальных.

Музыка Свиридова необыкновенно мелодична. Многие мелодии подчеркнуто просты, «барельефны», легко запоминаются (скажем, в тех же упомянутых ораториях и кантатах, во многих хорах, песнях на тексты Р. Бернса, А. Исаакяна). Другие более философичны, экспрессивно-утонченны, как в «Петербургских песнях» или в знаменитом «Голосе из хора» на стихи А. Блока, в ряде камерно-инструментальных сочинений. Но всем им присуще одно качество: внутренняя неисчерпаемость. Даже неискушенный слушатель сразу запомнит, например, мелодию хора «Как родилась песня». Но только слушая грамзапись снова и снова, он поймет, сколь глубокое образное содержание скрывается за бесхитростной «внешностью» мелодии...

Впрочем, «рассказать» музыку невозможно. Ее надо слушать. Не все поймется сразу. И это хорошо, что надо пробиваться к большому искусству, завоевывать его высоты. Вспомним опять же Н. Заболоцкого: «Душа обязана трудиться...». Труд этот окупается неоценимыми открытиями для слушателя, читателя, зрителя. Труд — обязательный, ибо ответственность художника и тех, для кого он работает, должна быть обоюдной.

Конечно, многое тут зависит не только от доброй воли слушателей. Да, классическая музыка, и музыка Свиридова в том числе, далеко не всегда схватывается «на лету». Главный путь ее массового познания — концертный зал, живое исполнение. Непременно с хорошими лекциями, комментариями.

Тут вновь приходит на память незабвенный свиридовский фестиваль в Белгороде. Не только как действительно яркое, впечатляющее событие общекультурного и пропагандистского значения. Но, увы, и как событие единственное, неповторенное (хотя бы и в более скромных масштабах). Очень жаль. Думается, областная филармония могла бы — и должна — проявлять большую инициативу.

Сказанное — не отступление от главной темы. Бывая в Белгороде, Свиридов неизменно и горячо интересовался конкретными проблемами нашей культурной жизни, действенностью эстетического воспитания, пропагандой классической — и особенно советской — музыки. Мы, белгородцы, заинтересованы во всем этом не меньше.

* * *

«Хочется со всей силой напомнить об этически возвышающей функции музыкального искусства, о том, что музыка предназначена для духовного совершенствования человека», — писал Георгий Свиридов в «Правде» после присуждения ему Ленинской премии.

Георгий Свиридов, крупнейший композитор современности, чье 60-летие отмечает сегодня общественность страны, продолжает свою работу, очень нужную людям. От души пожелаем ему здоровья и новых успехов в этой работе — патриотической, партийной «по самой высшей сути».

В. СИРОТЕНКО.